

ИМПЕРАТОР ИРАКЛИЙ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 626–628 гг.: ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЭКСПЕДИЦИОННЫХ АРМИЙ И ОБОРОНА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Рассматриваются два малоизученных вопроса, связанных с решающей военной кампанией византийского императора Ираклия против персов (626–628 гг.) – внутренняя (организационная) структура византийских экспедиционных армий и территориальное размещение одной из этих армий под названием Опсикий в период 626–628 гг., когда развернулись боевые действия против персов. Основными источниками автору послужили малоизвестный трактат, известный под условным названием «фрагмент Мюллера» (или *De militari scientia*), надпись из Константинополя, опубликованная в 1995 г., и труды Феодора Синкелла, современника рассматриваемых событий.

Ключевые слова: Ираклий; персы; армия; фрагмент Мюллера; банда; мерарх; Константинахи; надпись из Пилы.

Введение

В статье мы хотели бы рассмотреть два важных вопроса, связанных с византийской военной организацией в эпоху правления императора Ираклия (610–641 гг.) – тяжелый и переломный период в истории Византии, когда империя вела ожесточенное противостояние с персами и арабами. В данном случае нас интересует период византийско-персидских войн (611–628 гг.), когда Ираклий провел против персов несколько крупных военных кампаний, в результате которых он смог полностью разгромить противника и вернуть ближневосточные провинции под свой контроль. Тем не менее в рамках предложенной статьи мы хотели бы обратить внимание на малоизученный аспект – какой была внутренняя организационная структура тех армий, вместе с которыми Ираклий воевал против персов, из каких войсковых подразделений состояли эти армии? Второй сюжет, логично связанный с первым, – мы хотели бы представить ряд доказательств в пользу тезиса, что центральная и наиболее привилегированная византийская армия (войсковая группировка) под названием Опсикий в 626–628 гг. дислоцировалась в Константинополе и обороныяла город от аваров и персов.

Внутренняя структура византийской походной (полевой) армии: сведения военных трактатов и эпиграфики

В 2003 г. У.Э. Кэги, рассматривая политические и военные мероприятия Ираклия, пришел к выводу, что византийский император проявлял живой интерес и подробно изучал военные трактаты, созданные в предшествующий период, до начала его правления, включая и трактат под названием «Стратегикон», и активно использовал рекомендации, предложенные в этих трактатах, для проведения боевых учений по тренировке воинов и повышению их дисциплины. По мнению У.Э. Кэги, Ираклий воплотил в жизнь многие рекомендации ранневизантийской военно-теоретической мысли во время боевых действий с персами в 620-х гг. в Малой Азии, особенно построения войск, общей военной стратегии, перегруппировки и территориального развертывания войсковых подразделений, а также в плане оперативно-тактических приемов

против персов непосредственно во время сражений [1. Р. 108–109, 117].

Мы не будем рассматривать сведения трактата «Стратегикон», поскольку в современной научной литературе датировка этого трактата неизменно возводится к 592–610 гг., т.е. к периоду до восшествия Ираклия [2. С. 15–16; 3. Р. XV–XVI; 4. Р. 24, 47; 5. Р. 134], нас же, естественно, интересуют тексты (военные трактаты), созданные непосредственно в период правления Ираклия и содержащие сведения по организационной структуре византийских полевых (походных, экспедиционных) армий в данную эпоху. В этом смысле мы хотели бы обратиться к источнику, не часто привлекающему внимание исследователей – к так называемому фрагменту Мюллера, т.е. к фрагментарному греческому тексту, который был опубликован еще в 1880 г. К. Мюллером, прославленным филологом-классиком, по имени издателя этот текст получил свое условное название, принятое в научной литературе (другое название – *De militari scientia*, «О военной науке», в дальнейшем для удобства мы будем именовать трактат сокращенной аббревиатурой DMS). Сам К. Мюллер пришел к выводу, что автор фрагмента использовал (и даже почти дословно) многие главы «Стратегикона», соответственно, по мысли К. Мюллера, трактат DMS был написан после «Стратегикона» [6. С. 138].

В середине 1930-х гг. Р. Вари подверг сомнению тезис К. Мюллера, предположив, что авторы фрагмента DMS и трактата «Стратегикон» использовали один и тот же источник, этим, по мнению Л. Вари, объясняется словесное сходство во многих главах обоих текстов [7. С. 209]. В 1988 г. С.А. Иванов предположил, что трактат DMS был написан до «Стратегикона», в 570-х или 580-х гг., аргументом для исследователя послужили упоминания аваров и антов, которые встречаются в тексте: авары стали серьезными противниками империи в 570-х гг., тогда как последнее упоминание антов содержится в документе, изданном в 612 г. (одна из новелл императора Ираклия) [8. С. 182–184]. Тем не менее Ф. Ранс, не так давно обратившийся к этому трактату, подчеркнул, что DMS был написан именно после «Стратегикона», в 630-х или в 640-х гг., аргументом для исследователя послужил тот факт, что фрагмент Мюллера упоминает среди внешних врагов империи сарацин (именно

этот этноним) и персов (καὶ Σαρακηνοὺς καὶ πρὸς Πέρσας – «против сарацин и персов» – [6. S. 126, l. 4–5]). По мнению Ф. Ранса, данная фраза свидетельствует, что фрагмент был написан до 652 г., когда Персидская империя пала под ударами арабов, но после «Стратегикона», поскольку автор «Стратегикона» не упоминает этноним «сарацины» [9. Р. 72–75].

Мы поддерживаем выводы Ф. Ранса, поскольку, на наш взгляд, упоминание антов в тексте не может служить аргументом в пользу датировки трактата VI в. (позиция С.А. Иванова) – как недавно показал Г. Кардарац, грабительские нападения антов, направленные именно *против* Византии, состоялись в период с 533 по 545/546 гг., тогда как в 545/546 гг. император Юстиниан I заключил с антами договор. С того времени эти племена стали военными союзниками Византии, по мнению Г. Кардараца, Юстиниан поручил им защиту провинции Малая Скифия на нижнем Дунае, более того, войсковые контингенты антов даже участвовали в войне с готами в Италии, эти этнические отряды воевали в составе византийской армии. Как проследил Г. Кардарац, последнее упоминание антов в нарративных источниках встречается у Феофилакта Симокатты применительно к событиям 602 г., но даже в этот период анты продолжали оставаться союзниками Византии и воевали на ее стороне против других славянских племен. Новелла же 612 г., по мнению Г. Кардараца, свидетельствует о том, что вплоть до этого года анты защищали Малую Скифию в качестве военных союзников Византии, и только вторжение аваров, состоявшееся в 612 г., разрушило византийскую оборонительную систему на нижнем Дунае и положило конец присутствию антов в данном регионе [10. Р. 74–76, 79, 83–85].

Соответственно, с учетом сведений, рассмотренных Г. Кардарацом, мы можем рассматривать упоминание антов в трактате DMS исключительно как анахронизм, поскольку автор трактата рассматривает антов как военных *противников* Византии и тем самым отражает ситуацию, сложившуюся в 533–545/546 гг., когда анты действительно совершали вторжения и грабили византийские провинции на Дунае. И как раз наоборот, ситуация полностью изменилась после 545/546 гг. – с того времени анты были военными *союзниками* империи, в этом качестве они воспринимались всеми византийскими авторами. После же 612 г. анты исчезают со страниц источников и не фигурируют в текстах в каком-либо качестве, следовательно, автор трактата DMS, судя по всему, позаимствовал описание антов из более раннего военного трактата, не исключено, что и непосредственно из «Стратегикона» псевдо-Маврикия.

Следовательно, мы поддерживаем датировку, предложенную Ф. Рансом (630-е или 640-е гг.), и с учетом позиции Ф. Ранса мы можем признать, что своими сведениями текст DMS отражает внутреннее оперативно-тактическое устройство тех экспедиционных армий, которые воевали под командованием Ираклия против персов в 622 и 626/627 гг. Именно поэтому, как нам кажется, необходимо более подробно рассмотреть сведения трактата DMS, чтобы на их основе попытаться хотя бы примерно определить ос-

новные черты организационной структуры византийских экспедиционных армий эпохи Ираклия. Прежде всего, как и «Стратегикон» псевдо-Маврикия, фрагмент Мюллера называет в качестве главной и, по сути, единственной боевой единицы византийской походной армии банду – военный отряд (подразделение), в котором, собственно, и служили рядовые воины (Οἱ νεώτεροι τῷ βάνδῳ ὑμῶν προσέχετε:... μηδεὶς καταλίπῃ τὸ βάνδον καὶ τοὺς ἔχθροὺς καταδώξῃ – «Рекрут, целиком посвящайтесь себе вашей банде... пусть никто не покидает банду и не отправляется преследовать врага» [6. S. 120, l. 2–3]).

Применительно же к командному составу банды фрагмент Мюллера отмечает, что «Начальники банды, следуйте за вашим стратилатом, мерархом, и сохраняйте боевой строй... пусть никто не покидает банду мерарха» (Οἱ ἄρχοντες τῷ βάνδῳ τοῦ στρατηλάτου τοῦ μεράρχου τοῦ ὑμετέρου ἀκολουθήσατε καὶ τὴν τάξιν φυλάξατε... μηδεὶς ἐάσῃ τὸ βάνδον τοῦ μεράρχου – [Ibid. S. 120, l. 8–11]).

На основании папирологических источников, при этом созданных в начале VII в., Й. Крамер проследил, что греческое слово βάνδον было позаимствовано из германских языков, впервые оно появилось в источниках VI в. и первоначально обозначало военное знамя, боевой штандарт, в то время как в начале VII в. это слово претерпело значительную эволюцию в плане содержания и теперь подразумевало уже само войсковое подразделение, любой боевой отряд [11. S. 115–116].

В связи с этим позволим себе обратиться к уникальной греческой надписи из города Пилы вблизи Никомедии (современная Ялова в Турции), впервые опубликованной в 1989 г., но переизданной в 1995 г. К. Цукерманом, К. Цукерман предложил новое, исправленное и улучшенное, чтение надписи, соответственно, цитируем документ по чтению К. Цукермана [12. Р. 234]:

[Ἐνθάδ]ες κατάκιτ-
[ε...] ἥριος Σαβάτου
[καθ]ῳσιωμένος? σ]τρατιούτης δευτέ-
[ρο]ν [β]άνδου Κοσταν-
[τι]νηακῶν ἐτελεύτη[σ]-
εν μηνὶ Ἀγούστου ιε' [ῆμ]-
έρας ζ' ἐνδηκτηό-
νος ἐνάτης

«Здесь покоятся [...] Сабата,
преданный воин второй банды Константинаиков.
Умер в месяц август 15, в день 6, в 9 индиктион»

К. Цукерман предположил, что данная эпитафия упоминает войсковое подразделение *Constantiniani* = *Constantiniaci*, которое встречается и в тексте *Notitia Dignitatum*, в главе по одной из презентальных (центральных) экспедиционных армий Константинополя (ND. Or. VI. 52). По мнению исследователя, это подразделение существовало уже с IV в., оно было создано в эпоху Константина I Великого или его сына Констанция II, в честь которых получило свое название, в IV в. отряд *Constantiniani* занимал ранг дворцовой ауксилии и представлял собой элитное пехотное войсковое соединение. Как отметил К. Цукерман, слово «банда» в данной эпитафии подразумевает внутрен-

нюю оперативно-тактическую единицу ауксилии *Constantiniani* = *Constantiniaci*, по мнению исследователя, ауксилия *Constantiniani* = *Constantiniaci* включала в себя, по меньшей мере, две таких банды. Исследователь датирует надпись 532 г. [12. Р. 234–235], соответственно, вслед за ним мы можем признать, что эпитафия из Пилы – самое ранее упоминание слова *βάνδον* в качестве воинского подразделения.

В 1997 г. Р. Шарф подверг критике идентификацию, предложенную К. Цукерманом, по мнению Р. Шарфа, между позднеримской дворцовой ауксилией *Constantiniani* и отрядом *Constantiniaci* из эпитафии нельзя ставить знак равенства, это были разные подразделения, поскольку, как отмечает исследователь, подразделения, названные в честь императора Константина, всегда сохраняли свою изначальную именную форму и не переименовывались в отряды *Constantiniaci*. Р. Шарф рассматривает в отряде *Constantiniaci* из надписи войсковой корпус, входивший в состав одной из экспедиционных армий императора Юстиниана I, полностью независимый и никак не связанный с ауксилией *Constantiniani* [13. S. 211–212].

Тем не менее уже через год, в 1998 г., К. Цукерман опроверг позицию Р. Шарфа и представил дополнительные аргументы в пользу своей трактовки надписи, по мнению К. Цукермана, наименование *Constantiniaci*, упоминаемое в *Notitia Dignitatum*, представляет собой семантический эквивалент наименованию *Constantiniani*, в данном случае *Constantiniaci* – это изначальная, оригинальная форма названия воинского подразделения, а форма *Constantiniani* – более литературная и адаптированная версия оригинального названия, которая как раз и содержится в тексте *Notitia Dignitatum* [14. Р. 258]. Наконец, не так давно Ф. Ранс согласился с трактовкой К. Цукермана, признав, что слово *βάνδον* в эпитафии подразумевает не отдельное и самостоятельное воинское подразделение, но его внутреннюю оперативно-тактическую единицу (a sub-unit... rather than... the regiment itself) [15. Р. 395].

Соответственно, мы можем признать, что еще в начале правления Юстиниана I, т.е. задолго до эпохи Ираклия и даже времени создания «Стратегикона», слово *βάνδον* подразумевало военный отряд, другой вопрос, что в начале VI в. данный термин обозначал внутреннюю оперативно-тактическую единицу более крупного воинского подразделения. Как раз наоборот, к началу VII в. слово *βάνδον* претерпело значительную эволюцию в плане содержания и теперь подразумевало уже отдельное, независимое и полноценное самостоятельное воинское подразделение. Фрагмент Мюллера упоминает слово *βάνδον* именно в таком качестве, для автора данного текста банда определенно подразумевает основной и, по сути, единственный вид воинских подразделений византийской экспедиционной армии, основную внутреннюю тактическую боевую единицу этой армии¹.

Более того, как нам кажется, из слов автора фрагмента становится ясно, что ко времени создания этого трактата, т.е. к 630-м или 640-м гг., банда как воинское подразделение уже сама по себе делилась на еще более мелкие структурные единицы, ее внутренняя

организация теперь значительно усложнилась – напомним, фрагмент Мюллера говорит о «начальниках» (*Οι ἄρχοντες*) банды, упоминает это слово именно во множественном числе, тем самым подразумевая, что каждую из внутренних структурных единиц банды возглавлял собственный архонт, и таких единиц в банде было несколько.

Согласно «Стратегикону» псевдо-Маврикия, «существует правило, что каждая банды должна включать в себя не менее 200 человек, но не больше 400» (*κανονίσαι, ἵνα μηδὲ τῶν διακοσίων ἀνδρῶν ἔλαττον ἔιχε ἑκαστον βάνδον, μηδὲ τῶν τετρακοσίων πλέον –* [2. S. 142, I. 18–19]). Соответственно, если банды включала в себя от 200 до 400 человек, то ее более мелкие внутренние тактические единицы должны были насчитывать еще меньше воинов, не больше 100. Как видим, согласно фрагменту Мюллера, каждую банду возглавлял полководец (*στρατηλάτης*) в должности мерарха.

Очевидно, должность мерарха была учреждена еще в VI в., но, как отметил М. Цветкович, крайне сложно определить, какие именно функции мерархи выполняли в тот период [16. С. 219, 222], мы же на основании фрагмента Мюллера можем подчеркнуть, что, судя по всему, к 630-м гг. мерархи действительно командовали бандами как отдельными воинскими подразделениями. Соответственно, можно предположить, что те экспедиционные армии, вместе с которыми Ираклий воевал против персов, состояли именно из банд – отдельных воинских подразделений численностью от 200 до 400 человек в каждом таком отряде. Более того, в свое время Дж. Хэлдон предположил, что два боевых отряда в ранге турмы – *Theodosiaci* и *Victores* – которые упоминаются в трактате императора Константина VII Багрянородного «О церемониях византийского двора» (Х в.), были прямыми наследниками одноименных позднеримских подразделений, дислоцировавшихся во Фракии [17. Р. 173; 18. Р. 123]. В этом случае мы не исключаем, что и подразделения *Theodosiaci* и *Victores*, равно как и другие соединения, входившие в состав позднеримских экспедиционных армий Константинополя, Востока и Фракии, в 622 г. вошли в состав новых экспедиционных армий Ираклия уже в ранге банды, каждая такая банда, очевидно, находилась под командованием мерарха.

Оборона Константинополя и центральная армия Опсикий

В 1984 г. Дж. Хэлдон в своей образцовой и фундаментальной работе «Византийские преторианцы» убедительно доказал, в период между 615 по 621/622 гг. император Ираклий сформировал новую армию (войковую группировку) под названием «Опсикий» и разместил ее в Константинополе. По мнению исследователя, основу армии Опсикий составили войковые подразделения, ранее находившиеся в Константинополе и входившие в состав двух центральных экспедиционных группировок *praesentales*. Группировки *praesentales*, как известно, были учреждены еще императором Феодосием I

Великим в 380-х гг. и с того времени пребывали в Константинополе. По мнению Дж. Хэлдона, помимо отрядов презентальных (praesentales, т.е. «находящиеся в присутствии», в данном случае – императора) войсковых группировок, в состав армии Опсикий вошли подразделения экспедиционной армии Фракии, а также боевые корпуса оптиматов, букелариев и федератов. Как предположил исследователь, командование над этой армией с 615 г. находилось в руках комита Опсикия, данный чиновник, во-первых, заменил в этом качестве должности презентальных военных магистров (генералы, ранее командовавшие презентальными экспедиционными армиями), которые были упразднены, более того, он же фактически командовал и дворцовыми схолами (боевыми отрядами, входившими в состав императорской придворной гвардии и располагавшимися непосредственно во дворце императора), которые на тот момент формально подчинялись старому чиновнику, магистру оффиции (magister officiorum, начальник императорской канцелярии). Дж. Хэлдон подчеркивает, что комит Опсикия ранее был комитом доместиков (comes domesticorum), этот офицер с IV в. командовал войсковым корпусом доместиков, отрядом, входившим в состав придворной гвардии, по мнению Дж. Хэлдона, термин «комит Опсикия» (comes Obsequii) просто заменил старое название «комит доместиков» [17. Р. 143–145, 173–177].

Соответственно, возникает закономерный вопрос – что произошло с армией Опсикий, которая размещалась в Константинополе, в период 622–626 гг., т.е. во время наиболее активной фазы боевых действий с персами? Как известно, в апреле 622 г., когда Ираклий выступил из Константинополя и отправился в поход против Персии, он оставил в столице чиновника по имени Бон, которому император доверил управление военной и гражданской властью в империи на время своего отсутствия [19. Р. 242]. В целом в историографии нет единой оценки по вопросу о должности и полномочиях, которые выполнял Бон – если авторы-составители справочника PRLE IIIA [Ibid. Р. 243–244] предположили, что Бон занимал должность презентального военного магистра (magister militum praesentalis), т.е. офицера, командовавшего одной (или на тот период – уже сразу двумя) из центральных экспедиционных армий, располагавшихся в Константинополе, то Дж. Хэлдон представил аргументы в пользу того, что Бон был магистром оффиции (magister officiorum), т.е. начальником императорской канцелярии [17. Р. 444–446].

На наш взгляд, позиция Дж. Хэлдона ближе к истине – действительно, Георгий Писида в поэме, непосредственно посвященной Бону, называет этого персонажа τοτοτηρητής τοῦ βασιλέως, т.е. заместителем василевса (Georg. Pisid. In Bonum patricium, titulus)², соответственно, мы можем предположить, что Бон явно занимал придворную гражданскую должность, а такой должностью мог быть только магистр оффиции, именно магистр оффиции возглавлял всю придворную администрацию империи. Тем более, подчеркнем, что тот же Георгий Писида в другой своей поэме –

«Аварская война» – называет Бона «магистром вооруженных отрядов» (καὶ τῷ μαγίστρῳ τῶν ἐνόπλων ταγμάτων – Georg. Pisid. Bellum Avaricum, v. 314), можно предположить, что здесь византийский поэт имеет в виду дворцовые схолы либо корпус экспубиторов (еще один боевой отряд, входивший в состав императорской гвардии), формально все еще подчинявшиеся магистру оффиции.

По мнению М. Клаусса, в начале VII в., при Ираклии, в империи существовали два магистра оффиции – один неизменно пребывал в Константинополе и оставался там на период отсутствия императора, в то время как другой сопровождал Ираклия во всех его военных походах [22. S. 128]³. Сложно сказать, учредил ли Ираклий специальную должность «полевого» (т.е. походного) начальника канцелярии – по словам армянского историка Себеоса, когда Ираклий одержал полную победу над персами и заключил с ними мирный договор в 629 г., его сопровождала «царская свита» (the royal retinue – [24. Р. 90]), возможно, под этой фразой Себеос имел в виду и магистра оффиции, но ввиду неопределенной и размытой терминологии армянского историка данный вывод остается только гипотезой.

П. Шпек предположил, что во время отсутствия Ираклия, особенно в 626 г., в период осады Константинополя аварами, Бон выполнял функции военно-административного управления империей, в то время как патриарх константинопольский Сергий был опекуном малолетнего сына Ираклия, также оставленного в столице [25. S. 16–17]. Й. Дитен пришел к выводу, что Бон и Сергий совместно осуществляли регентство при малолетнем наследнике престола, в этой коллегии Бон, по мнению исследователя, занимался вопросами административного управления, и прежде всего – обороной города от внешних врагов империи (персов и авар) [26. S. 11–12; 27. S. 152–153].

Вместе с тем, как сообщает Феодор Синкелл – пресвитер и священник церкви Святой Софии в Константинополе, современник и очевидец осады города аварами⁴ – когда 29 июля 626 г. авары приступили к осаде византийской столицы ([19. Р. 243]), Бон, которого Синкелл называет «хранителем дел императора» (ό δὲ φύλαξ τῶν βασιλέως τραγμάτων), «построил войско и отборную часть народа для противостояния (аварам. – Е.М.)» (τὸ στρατιωτικὸν καὶ τοῦ λαοῦ ὅσον ἐπίλεκτον πρὸς ὄντιαράταιν ἔταττε – [29. Р. 305, л. 16–18]). Дж. Хэлдон предположил, что войсковым гарнизоном, который упоминается у Феодора Синкелла, командовал комит доместиков (comes domesticorum) [17. Р. 175], мы же рассматриваем данный пассаж как очевидное доказательство в пользу того факта, что верховная власть Бона действительно распространялась не только на гражданские структуры управления, но и на армию, войсковые подразделения – под словом τὸ στρατιωτικὸν можно понимать не только дворцовые схолы и корпус экспубиторов, но и отряды армии Опсикий, располагавшейся на тот момент в городе.

Мы определенно можем предположить, что в состав городского гарнизона Константинополя, оставленного для защиты столицы, входили и подразделения армии Опсикий, именно эта армия как раз и со-

ставила основу городского гарнизона, на подразделениях армии Опсикий держалась вся оборона византийской столицы, поскольку сил одних только экскубиторов и дворцовых схол для эффективного противостояния аварам и персам было явно недостаточно. Следовательно, на наш взгляд, сведения Феодора Синкелла, очевидца событий – неопровергимое доказательство в пользу того, что в 626/627 гг., когда Ираклий воевал с персами в восточных регионах Малой Азии и на территории Армянского нагорья, львиная доля армии Опсикий продолжала пребывать в Константинополе и обороняла город вместе с дворцовыми схолами и корпусом экскубиторов. К сожалению, источники не позволяют установить точную численность этой армии к 626 г., по подсчетам Дж. Говарда-Джонстона, численность городского гарнизона, защищавшего Константинополь в июле 626 г., составляла не более 12 000 человек [30. Р. 135].

Заключение

Следовательно, отвечая на вопросы, поставленные в начале статьи, мы можем прийти к выводу, что в 620-е гг., т.е. в период тяжелого и интенсивного противостояния с персами, главной и, по сути, единственной внутренней, оперативно-тактической боевой единицей византийской армии была банда – отряд численностью от 200 до 400 человек. Фактически, любая византийская полевая (походная) армия состояла из банд, представляла собой совокупность банд как войсковых подразделений, при этом до-

шедшие до нас источники, и прежде всего надпись из города Пилы в Вифинии, рассмотренная выше, позволяют проследить эволюцию значения самого слова «банда». Если в первой половине VI в. слово «банда» подразумевало только внутреннюю тактическую единицу в составе более крупного войскового соединения, то уже к рубежу VI–VII вв. банда представляла собой независимое подразделение, независимый и самостоятельный боевой отряд. Сведения трактата *De militari scientia* (фрагмент Мюллера) позволяют заключить, что банда как отдельный боевой отряд находилась под командованием офицера в ранге мерарха, но сама банда в этот период, т.е. в 630-е и 640-е гг., включала в себя уже свои собственные внутренние оперативно-тактические подразделения, т.е. включала в себя еще более мелкие боевые единицы.

Одна из византийских экспедиционных армий, состоявших из таких банд – Опсикий, созданная Ираклием в 615–622 гг. и располагавшаяся в Константинополе, продолжала размещаться в византийской столице и в 626/627 гг., в тяжелый и драматичный период, когда город подвергся осаде со стороны персов и аваров. Более того, армия Опсикий не только дислоцировалась в Константинополе в качестве составной части городского гарнизона, но и выполняла основные функции по обороне города от персов и аваров. Судя по сведениям Феодора Синкелла, рассмотренным выше, данная армия находилась под командованием начальника императорской канцелярии (магистра официации) Бона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тем не менее И. Сивенне, следуя сведениям «Стратегикона» псевдо-Маврикия, рассматривает банду исключительно как внутреннюю и самую малую оперативно-тактическую структурную единицу византийской армии в VI–VII вв., по мнению исследователя, банда как боевой отряд занимала самый низкий уровень военной иерархии, банда всегда входила в состав более крупных войсковых соединений. См.: [5. Р. 119, 133]. На наш взгляд, выводы И. Сивенне применимы только для первой половины и середины VI в. – сведения цитированной выше надписи позволяют заключить, что в этот период банда действительно представляла собой внутреннюю тактическую единицу в составе более крупного войскового подразделения, но уже к рубежу VI–VII вв. слово «банда» обозначало самостоятельный, обособленный и независимый боевой отряд.

² Цитируем текст по изданию: [20. Р. 163]. Именно так переводит данное слово и Э.А. Софоклис: [21. Р. 1086, sv. τοποτηρητής].

³ В свое время А. Боец предположил, что должность магистра официации в своем неизменном виде просуществовала вплоть до эпохи Константина IV (668–685 гг.), к началу же VIII в. функции магистра официации были разделены среди нескольких чиновников, фактически заменивших собой данного персонажа. См.: [23. Р. 50].

⁴ О личности Феодора Синкелла см.: [28. Р. 373–375].

ЛИТЕРАТУРА

1. Kaegi W.E. Heraclius, Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003.
2. Das Strategikon des Maurikios / Hrsg. G.T. Dennis, übers. E. Gamillscheg. Wien, 1981.
3. Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy / Transl. by G. T. Dennis. Philadelphia, 1984.
4. Wiita J.E. The Ethnika in Byzantine Military Treatises. PhD Dissertation. University of Minnesota, 1977.
5. Syvärne I. The Age of Hippotoxotai. Art of War in Roman Military Revival and Disaster (491–636). Tampere, 2004.
6. Müller K.K. Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // Festschrift für Ludwig Ulrichs zu Feier seines Fünfundzwanzigjährigen wirkens. Würzburg, 1880. S. 106–138.
7. Vary R. Das müllersche Fragment über griechisches Kriegswesen // Εἰς μνημὴν Σπυριδῶνος Λαμπροῦ. Αθηνῆ, 1935. S. 205–209.
8. Иванов С.А. Неиспользованное византийское свидетельство VI века о славянах // ВВ. 1988. Т. 49. С. 181–184.
9. Rance Ph. The *De Militari Scientia* or Müller Fragment as a philological resource. Latin in the East Roman army and two new loanwords in Greek: *palmarium* and *recala* // Glotta. 2011. Vol. 86. P. 63–92.
10. Kardaras G. The Byzantine–Antic Treaty (545/46 A.D.) and the defence of Scythia Minor // BSI. 2010. Vol. 68. P. 74–85.
11. Kramer J. Papyrusbelege für fünf germanische Wörter: ἄρμαλαυστιον, βάνδον, βουρδόν, βρακίον, σαφώνιον // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Bd. 42. Hf. 1. 1996. S. 113–126.
12. Zuckerman C. Le δεύτερον βάνδον Κωνσταντινακόν dans une épitaphe de Pylai // Tyche. Bd. 10. 1995. P. 233–235.
13. Scharf R. Constantiniaci = Constantiniani? Ein Beitrag zur Textkritik der *Notitia Dignitatum* am Beispiel der «constantinischen» Truppen // Tyche. Bd. 12. 1997. S. 189–212.
14. Zuckerman C. Constantiniani – Constantiniaci from Pylai. A Rejoinder // Tyche. Bd. 13. 1998. P. 255–258.
15. Rance Ph. Campidoctores Vicarii vel Tribuni: The Senior Regimental Officers of the Later Roman Army and the Rise of the Campidocitor // The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest. Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005) / ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 395–409.

16. Цветковић М. Мерарх у тематској организацији од IX до XII века // ZRVI. 2013. Vol. 50. C. 215–234.
17. Haldon J.F. *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata* Bonn, 1984. C. 580–900.
18. Haldon J.F. Trouble with the *Opsikion*: some Issues on the First *Themata* // Κλητόπιον. In memory of Nikos Oikonomides / ed. by F. Evangelatou-Notara, T. Maniati-Kokkini. Athens–Thessaloniki, 2005. P. 111–136.
19. Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. IIIA, A.D. 527–641. Parts A, B. Cambridge, 1992.
20. Giorgio di Pisidia poem. I. Panegirici epici / A cura di A. Pertusi. Ettal, 1959.
21. Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. N.Y., 1900.
22. Clauss M. Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluss auf die kaiserliche politik. München, 1980.
23. Boak A.E.R., Dunlap J.E. Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. London, 1924.
24. The Armenian History attributed to Sebeos. / Transl. by R.W. Thomson. Historical Comm. by J. Howard-Johnston. Liverpool, 1999. Vol. I.
25. Speck P. Zufälliges zum Bellum Avaricum des Georgios Pisides. München, 1980.
26. Dieten J.L., van. Geschichte der Patriarchen von Sergios I bis Johannes VI (610–715). Amsterdam, 1972.
27. Dieten J.L., van. Zum «Bellum Avaricum» des Georgios Pisides. Bemerkungen zu einer studie von Paul Speck // BF. Bd. 9. 1985. S. 149–178.
28. Barišić F. Le siège de Constantinople par les Avares et les Slaves en 626 // Byzantion. Vol. 24. 1954. P. 371–395.
29. Sternbach L. *Analecta Avarica* // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny. Seryja II. Tom. XV. Craców, 1900. P. 297–365.
30. Howard-Johnston J. The Siege of Constantinople in 626 // Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-Seventh Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993. Aldershot, 1995. P. 131–142.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 марта 2019 г.

Emperor Heraclius and Byzantine Military Organization in 626–628 A.D.: The Internal Structure of the Field Armies and the Defense of Constantinople

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 445, 124–130.

DOI: 10.17223/15617793/445/18

Evgeniy A. Mekhamadiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

Keywords: Heraclius; Persians; army; Müller's fragment; bandon; moirarchos; Constantiniaci; inscription from Pylai.

The main aim of this article is to consider two important issues related to the military policy of Byzantine Emperor Heraclius in 626–628 A.D.: (1) the lower internal structural military unit in the Byzantine army during the reign of Heraclius and (2) the composition of the military forces which defended Constantinople during the Avar-Persian assault in 626. Based on a little-studied source, the so-called Müller's fragment, and its comparison with an inscription from Bithynia published in 1995, the author detects which units were the internal composite parts of Heraclius' army. Another important source is a homily of a Byzantine Church writer Theodoros Synkellos, who was a presbyter of Hagia Sophia, the Church of Holy Wisdom, in Constantinople. Byzantine Emperor Heraclius led a successful military campaign against the Persians, which resulted in a convincing victory of Byzantium. Meanwhile, as the author supposes, modern research regards only the outward side of the problem, i.e., the course and chronology of battles and the territorial movements of Heraclius himself. At the same time, the internal side of the issue, i.e., the organizational structure of Byzantine field armies which struggled with the Persians is still out of consideration. As the author supposes, the text of the tract known under conventional title “Müller's fragment” (or *De militari scientia*) was composed in the 630s or the 640s: in this respect the author supports P. Rance's point of view, who proposed his own arguments for the time context of the tract. In the author's opinion, the position of other scholars, who date it back to the 6th century, contradicts to the geopolitical context of the Danubian front of the Empire during the 6th c. Having compared the text of Müller's fragment and the evidence of the inscription from Constantinople mentioned above, the author concludes that the basic and even only structural military unit of Byzantine field armies during the reign of Heraclius was the unit called *bandon*. In the author's opinion, *bandon* was an internal military unit of a larger detachment in the first half of the 6th c., but later, during Heraclius' reign, *bandon* turned into an independent and self-sufficient single military unit. The headcount of each *bandon* varied from 200 to 400 men. Following Müller's fragment, the author supposes that the commander of each *bandon* was an officer who was called a *moirarchos*. Finally, in the author's opinion, it was the *Opsikion* Byzantine field army, which garrisoned in Constantinople in 626–627 when the Empire had decisive struggles against the Persians, that defended the city during a siege held by the Avars.

REFERENCES

1. Kaegi, W.E. (2003) *Heraclius, Emperor of Byzantium*. Cambridge: Cambridge UP.
2. Dennis, G.T. & Gamillscheg, E. (eds) (1981) *Das Strategikon des Maurikios*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
3. Maurice. (1984) *Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy*. Translated into English by G.T. Dennis. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
4. Wiita, J.E. (1977) *The Ethnika in Byzantine Military Treatises*. PhD Dissertation. University of Minnesota.
5. Syvärne, I. (2004) *The Age of Hippotoxotai. Art of War in Roman Military Revival and Disaster (491–636)*. Tampere: Tampere UP.
6. Müller, K.K. (1880) Ein griechisches Fragment über Kriegswesen. In: *Festschrift für Ludwig Ulrichs zu Feier seines Fünfundzwanzigjährigen wirkens*. Würzburg: Universität Würzburg. pp. 106–138.
7. Vary, R. (1935) Das müllersche Fragment über griechisches Kriegswesen. In: *Εἰς μνημῆν Σπυριδωνος Λαμπρον*. Αθηνα: [s.n.]. pp. 205–209.
8. Ivanov, S.A. (1988) Neispol'zovannoe vizantyiskoe svidetel'stvo VI veka o slavyanakh [The unused 6th-century Byzantine evidence on the Slavs]. *Vizantiiskiy Vremennik*. 49. pp. 181–184.
9. Rance, P. (2011) The De Militari Scientia or Müller Fragment as a philological resource. Latin in the East Roman army and two new loanwords in Greek: *palmarium* and *recala*. *Glotta*. 86. pp. 63–92.
10. Kardaras, G. (2010) The Byzantine-Antic Treaty (545/46 A.D.) and the defence of Scythia Minor. *BSI*. 68. pp. 74–85.
11. Kramer, J. (1996) *Papyrusbelege für fünf germanische Wörter: ἄρμαλανστον, βάνδον, βουρδόν, βρακίον, σαφένιον*. Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Bd. 42. Hf. 1. pp. 113–126.
12. Zuckerman, C. (1995) Le δεύτερον βάνδον Κονσταντινιακὸν dans une épitaphe de Pylai. *Tyche*. Bd. 10. pp. 233–235.
13. Scharf, R. (1997) Constantiniaci = Constantiniiani? Ein Beitrag zur Textkritik der Notitia Dignitatum am Beispiel der “constantinischen” Truppen. *Tyche*. Bd. 12. pp. 189–212.
14. Zuckerman, C. (1998) Constantiniaci – Constantiniaci from Pylai. A Rejoinder. *Tyche*. Bd. 13. pp. 255–258.
15. Rance, P. (2007) *Campidoctores Vicarii vel Tribuni: The Senior Regimental Officers of the Later Roman Army and the Rise of the Campidocitor*. In: Lewin, A.S. & Pellegrini, P. (eds) *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005). Oxford: Archaeopress. pp. 395–409.

16. Cvetkovic, M. (2013) *Merarchs in the thematic organization (9th–12th centuries)*. *Zbornik radova Vizantoloskog instituta*. 50 (1). pp. 215–234. DOI: 10.2298/ZRVI1350215C
17. Haldon, J.F. (1984) *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata*. Bonn: R. Habelt. pp. 580–900.
18. Haldon, J.F. (2005) Trouble with the Opsikion: some Issues on the First Themata. In: Evangelatou-Notara, F. & Maniati-Kokkini, T. (eds) *Κλητόποιον. In memory of Nikos Oikonomides*. Athens–Thessaloniki: [s.n.]. pp. 111–136.
19. Martindale, J.R. (1992) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. IIIA. A.D. 527–641. Parts A, B. Cambridge: Cambridge UP.
20. di Pisidia, G. (1959) *Giorgio di Pisidia poem. I. Panegirici epici*. Translated by A. Pertusi. Ettal: Buch-Kunstverlag.
21. Sophocles, E.A. (1900) *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. N.Y.: C. Scribner's sons.
22. Clauss, M. (1980) *Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluß auf die kaiserliche politik*. München: C. H. Beck.
23. Boak, A.E.R. & Dunlap, J.E. (1924) *Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration*. London: Macmillan & Co.
24. Thomson, R. & Howard-Johnston, J. (eds) (1999) *The Armenian History attributed to Sebeos*. Translated by R.W. Thomson, Historical Commentary by J. Howard-Johnston. Vol. I. Liverpool: Liverpool UP.
25. Speck, P. (1980) *Zufälliges zum Bellum Avaricum des Georgios Pisides*. München: Institut für Byzantinistik, Neugriechische Philologie und Byzantinische Kunstgeschichte der Universität.
26. van Dieten, J.L. (1972) *Geschichte der Patriarchen von Sergios I bis Johannes VI (610–715)*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert.
27. Dieten, J.L. van. (1985) Zum “Bellum Avaricum” des Georgios Pisides. Bemerkungen zu einer studie von Paul Speck. *BF*. 9. pp. 149–178.
28. Barišić, F. (1954) Le siège de Constantinople par les Avares et les Slaves en 626. *Byzantion*. 24. pp. 371–395.
29. Sternbach, L. (1900) *Analecta Avarica. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny*. II (XV). pp. 297–365.
30. Howard-Johnston, J. (1995) The Siege of Constantinople in 626. *Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-Seventh Spring Symposium of Byzantine Studies*, Oxford, April 1993. London; NY: New York University Press. pp. 131–142.

Received: 25 March 2019